

БАМ

АЛЕКСАНДРА БОНДАРЯ:

10 ЛЕТ, 595 КИЛОМЕТРОВ

БЕСЕДА С ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ИГРАВШИМ НА СЦЕНЕ ШУКШИНСКИХ ГЕРОЕВ И НИКОГДА НЕ ИГРАВШИМ В ПОДДАВКИ

РАЙ ПУШКЕТ

К

Кажется дикостью, но сегодня не всем молодым по силам расшифровать аббревиатуру БАМ. А сорок лет назад парни и девушки с разных концов страны рвались в Сибирь и на Дальний Восток, чтобы стать участниками стройки века, которую наряду с полетом в космос, освоением целины и индустриализацией 30-х называют главными трудовыми подвигами советского народа.

Александр Бондарь приехал на будущую Байкало-Амурскую магистраль в мае 1974-го, и именно его путейцы через десять лет уложили «золотое» звено в месте стыковки с шедшей им навстречу с востока бригадой Ивана Варшавского. БАМ соединился в единое целое...

*1 Александр Бондарь, бригадир монтеров пути, уложивших «золотое» звено Байкало-Амурской магистрали. 1984 г.

Проводы

— Рукопожатие у вас по-прежнему крепкое, Александр Васильевич.

— Как и у любого путеца. Чтобы уверенно держать молоток, силушка нужна приличная.

— В отца пошли?

— Я перерос его. И выше, и в кости шире...

Отец был инвалидом Великой Отечественной, а это здоровья точно не добавляло. Зато железнодорожником я стал благодаря отцу. Его заслуга. Я же родом с Винничины, из поселка Липовец. В 1967 году окончил восьмой класс и хотел идти в электровозный техникум. Тогда все увлеклись электроникой. Модная тема! В техникум брали без экзаменов, учился я хорошо, даже почетную грамоту за успехи получил. Словом, собрался в Винницу, а отец говорит: «Саша, вот Ленька, твой старший брат, может часами какieto радиосхемы паять, а у тебя моторчик сзади подвешен, ты минуту не усидишь на месте, должен куда-то бежать. Прямая дорога на железку!» Ну, я послушал совета и отнес документы к железнодорожникам. Отучился и попал в Иркутск, а оттуда в Нижнеудинск. Работал в дистанции службы пути на Транссибе, пока не призвали в армию.

Еще в Виннице я сдружился с Иваном Нечипоренко. Вместе учились в техникуме, в Иркутск распределились, в Нижнеудинск приехали. И служить в 69-м пошли вместе. Попали в Нерчинск на границу с Китаем. Не раз видели, как местные хунвейбины массово еде нарушали. Мы в ответ разворачивали по команде оперативно-тактические ракетные комплексы с ядерным боезарядом, а китайцы стояли толпой с портретами Мао в руках и орали что-то на своем. Однажды дали пулеметную очередь с вышки в нашу сторону, явно провоцировали. Мы не поддавались.

А когда дело шло к дембелю, Ваня погиб. Глупо. Банально. Неопытный водитель перевернул на учениях толопривязчик... Это машина на базе 452-го уазика, передававшая координаты для ракетных батарей. Нечипоренко сидел внутри. Парнем он был высоким — волейболист. Ударился головой и... всё, насмерть. Трагедия случилась 10 апреля, а на следующий день вышел приказ о нашем увольнении в запас. И вместо праздника поехал я в Черкасскую область хоронить друга...

Потом вернулся в Киев, устроился в проектный институт, снимал квартиру в Боярке.

— Той самой?

— Ну да, описанной Николаем Островским в романе «Как закалялась сталь». Поработал полгода, перешел в дистанцию пути, но скучно было, да и денег хватало только от зарплаты до получки. Я написал в киевский горком комсомола, спросил: нет ли где-нибудь ударной стройки, на которую набирают добровольцев? Тишина. Обратился в обком. Опять не ответили. Я был упорным парнем, дошел до ЦК. Сказали: на Дальнем Востоке какой-то БАМ затевают, координаты оставь, позводем, если понадобится. Действительно, в первые числа апреля 74-го отыскали: быстро увольняйся, собирайся, стройка начинается!

— Провожали с почестями?

— Не то слово! Сначала в Киеве с оркестром. Собрали отряд со всех областей Украины и отправили в Москву. Там сказали, что наказ нам даст XVII съезд ВЛКСМ. Несколько дней мы репетировали в Кремле. Вернее, тренировались по ночам, когда делегаты расходились. Нас переодели в стройотрядовскую форму, даже красивые туфли и галстук выдали. Мы произнесли торжественную клятву, адресовав ее съезду и лично товарищу Брежневу, присутствовавшему в зале.

После этого подали специальный поезд, и мы отправились покорять сибирские просторы.

02

02-3
Александр Бондарь и его бригада.

03

Звездный

— Ехали долго?

— Почти неделю. В каждом крупном городе устраивались митинги — Киров, Пермь, Свердловск, Омск, Новосибирск, Томск, Красноярск. Цветы, аплодисменты, корреспонденты... Девочки плакали, провожали нас как на войну. И мы возмнили себя героями, все такие гордые, крутые! Поверх формы я носил железнодорожную шинель, так у меня пуговицы на сувениры едва не оторвали! Где-то дома лежит номер журнала «Огонек» за май 1974 года. На центральном фото наш отряд. Идем к Братской ГЭС, я обнимаю двух красавиц... А что вы хотите? Неполные двадцать два года от роду. Зеленый пацан!

Нам тогда дали мощный моральный и эмоциональный аванс, нечего и говорить...

Наконец 2 мая приехали в Усть-Кут, но из-за сильного ливня не смогли вылететь к месту будущей трассы. Заночевали в поезде, посмотрели только вышедшую на экраны «Калину красную». На следующий день вертолетами нас перебросили в Таяру. Тут же на митинге переименовали ее в поселок Звездный. К нашему приезду установили двадцать две палатки на двадцать два человека каждую. В них мы жили до ноября, пока не переехали в сборно-щелевые домики. Их так прозвали из-за щелей, откуда нещадно дуло. Зарплату первое время нам платили рублей по триста, но тратить все равно было некуда — тайга вокруг. Жили как при коммунизме. Деньги лежали, можно сказать, на виду, в прикроватных тумбочках. Открываешь дверцу, а там пусто. И записка-расписка: «Саша, уехал в отпуск на «большую землю». Деньги забрал. Обратно приеду — все верну». Возвращали до копейки, не было такого, чтобы обманывали. Воровство началось зимой. Полушубки стали «уводить», дубленки. У меня за короткое время сперли четыре штуки. Включая настоящую, монгольскую, которая досталась в презент от первого секретаря ЦК комсомола Евгения Тяжельникова. Он возвращался из Улан-Батора и останавливался на БАМе.

Воровали как? Собираемся на день рождения или свадьбу, верхние вещи сваливаем в прихожей в общую кучу. Вечером расходимся по домам — хват, а чьей-то дубленки нету. Сначала я думал, может, кто-то по ошибке прихватил, потом понял: тырят, гады! Не только у меня, конечно, у других тоже. Когда в третий раз украли, сильно разолился. На полу лишь шарф из верблюжьей шерсти, который я еще в армии купил, валялся с варажками. Выбросили за ненадобностью, значит. Помню, иду по Звездному и матерюсь: найду вору, застрелю, не пожалю! Любана, с которой мы к тому моменту уже поженились, семенит рядом, плачет: «Тебя же посадят! Куда я одна, беременная?» Она успела изучить мой характер, знала, что не шушу, зашибу...

Дело даже не в том, что полушубок стоил 60 — 70 рублей, хотя и это немалые деньги по тем временам. Главная проблема, что в свободной продаже их не было. Дефицит! По талончикам покупали.

— Так и не нашли вора?

— Нет! Какое там! Кто-то опытный крысятничал...

НОЧЬЮ МОРОЗ ОПУСТИЛСЯ ДО 48 ГРАДУСОВ. ПРИ МИНУС СОРОКА МЫ НЕ РАБОТАЛИ. ПОЭТОМУ Я С ПОЛНЫМ ПРАВОМ ПРЫГНУЛ В МАГИРУС — И В РОДДОМ!

— Зато Любовь Александровну вы не упустили.

— Тоже правда. В нашем отряде было триста парней на четырнадцать девочек. Настоящий конкурс женихов, жесткая конкуренция! Все ведь молодые, кровь играет. Ну, сами понимаете...

Люба родом из Саранска. Окончила химический факультет местного университета, защитила диплом и поехала на БАМ. Первую свадьбу в Звездном сыграли 22 июня 1974 года. Молодоженов усадили в вертолет, и тот вместо свадебного путешествия сделал круг над поселком. Я был свидетелем у жениха из украинской делегации, а Любана — подружка невесты из Мордовии. Там я и положил на нее глаз. Волейболстка, активистка, красавица...

Любана

— Любовь с первого взгляда?

— Можно и так сказать... В том же 74-м году я поступил в Иркутский железнодорожный институт, учился заочно. Почему-то хуже всего мне давалась химия. Не мог понять, хоть убей. А Люба химик по профессии, вот я и обратился к ней как бы за консультацией. Сначала мы решили химические задачки, а потом поняли, что должны вместе шагать по жизни.

* 4-6

Александр, Любовь и маленькие Бондари.

В апреле 75-го приехал отец, чтобы сосватать меня, как положено по украинскому обычаю. А еще через месяц мы с Любой расписались...

Первое время жили в вагончике. Потом нам дали однокомнатную квартиру в щелеборном доме. Взял ключ, иду и вижу: а открывать-то нечего. Входную дверь украли, печка-буржуйка стоит ободранная, все железные листы с нее поносили. Что делать, как в такой квартире жить? Пришлось и мне прихватизировать чужую дверь. Потом нашел железо, которое кто-то плохо положил. Затапил я печь, и тут от перепада температур полопались стекла в окнах. Во всех трех. Еще бы: зима на дворе, мороз под сорок градусов, вот стекла и промерзли. Их же поставили без штапика, на скорую руку! Начал менять. Два окна сделал, а третье никак. Трескается стекло, хоть убей! Любана в углу сидит, сжалась, а меня даже злость разобрала: мужик я, елки-палки, или нет, неужели не справлюсь?! До ночи возился, с пятой попытки вставил стекло, облегченно выдохнул и... нечаянно наступил на раму. Опять всё вдребезги! Люба только ойкнула, а я расхохотался в голос.

В двадцатых числах декабря ухожу на работу, а жена говорит: «Что-то мне плохо, Саша, видно, рожать скоро, возвращайся сегодня пораньше». Ответил: «Конечно». Ну и опоздал, как водится...

Мы же ездили в пульмановском вагоне, который цепляли к паровозу. Пока бригады по дороге соберешь, много времени пройдет. Словом, вернулся в Звездный, глядь — окна в доме темные, в дверях записка белеет. Ну, у меня сердце упало, руки затряслись. Стал выяснять у соседей, где жена. Говорят: в Усть-Кут увезли, в роддом. Ночью мороз опустился до -48°. Если температура падала

ниже сорока градусов, мы не работали, объявлялся так называемый активированный день. Поэтому я с полным правом прыгнул в Магирус и — вперед.

— Куда, извините, прыгнули?

— В Magirus-Deutz. Строительный четырнадцатитонный самосвал производства Германии, которым отсыпался весь БАМ. Мощная машина! Ей и мороз не страшен. Шестидесят четыре километра до Усть-Кута быстро пролетел. Прибегаю в роддом, а меня поздравляют: «Папаша, у вас дочка. Наташа».

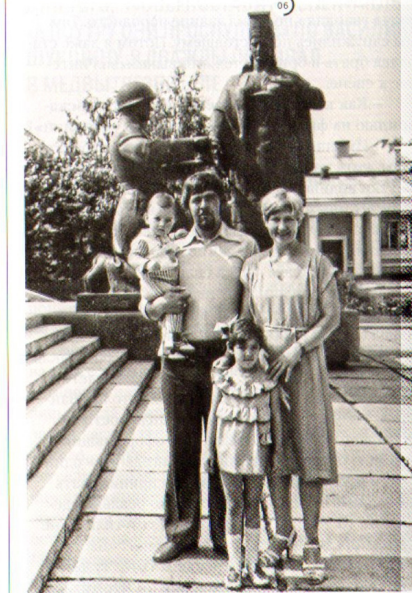
Театр

— Долго вы проработали в Звездном, Александр Васильевич?

— Четыре года. Свою бригаду организовал в декабре 75-го, первое время мы рубили протрассовую дорогу, потом работали на балластировке пути. А рельсы укладывал Виктор Иванович Лакомов, его бригада. Мы шли следом. Железнодорожники недаром говорят: каждой шпале десять раз поклонись. Посадить на балласт, выправить, выровнять... Технология долгая и сложная. Если уходить в детали, разговор не закончим до утра, в диктофоне пленки не хватит.

— Бригаду быстро собрали?

— Звал тех, кого знал лично. Руководство валило принципом: не умеешь — научу, не хочешь — заставлю. Объяснял двадцатилетним парням элементарные вещи, обучал железнодорожной грамоте. На БАМ ведь ехали вчерашние гуманитарии, водители, электрики, сантехники, а настоящих путейцев — раз, два и обчелся.

— Среди первопроходцев встречались первопроходимцы?

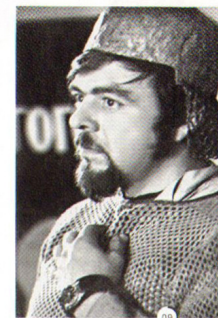
— Попадались. Но они надолго не задерживались, быстренько ретировались, ломались, не справляясь с нагрузками. Да, платили нам хорошо, но деньги мы отработывали сполна. Тем более что баснословных сумм не было. Впервые тысячу рублей я получил в 1983 году, когда ударными темпами шли к Витиму и уложили за сутки 5400 метров пути, установив рекорд, который никто не сумел побить до сих пор.

Вкалывали — мама, не горюй! Но успевали рыбачить, охотиться, играть в самодеятельном театре, который в 1977 году за спектакль «Молодая гвардия» получил звание народного. Там мы сдружились по-настоящему. Потом я даже старался брать в бригаду тех, кто выказывал интерес к сцене.

— Как капитан Титоренко в поющую эскадрилью из фильма «В бой идут одни «старики»?»

— Именно! И слона можно научить работать, а вот жить на трассе, где двадцать четыре часа в сутки видишь одни и те же физиономии... Если не будет иных интересов кроме работы, легко перергнуться, возненавидеть всех и вся. В суровых условиях нужна идеальная совместимость. Только «длинным» рублем людей сплотить нельзя.

Разные ситуации случались. В 78-м году нас перевели на укладку пути, а потом вдруг произошел сбой, и работа встала намертво. Мы воспользовались паузой, чтобы поставить спектакль «Заседание парткома». Всё лучше, чем сидеть без дела. Пьесу выбрал режиссер Анатолий Байков, к тому моменту ушедший с должности заведующего клубом в Звездном и оформившийся в мою бригаду. Конфликт в «Заседании» один в один вроде нашего. Нам начали приписывать фиктивные объемы работы вместо реально сделанной, точнее, не сделанной. Я возмутился и не вывел бригаду на смену. Спрашивают: «Бастуете?» Отвечаю: «Понимайте как хотите. Чужого нам не надо, дайте свое заработать». Что тут на-

ТОЛИК БАЙКОВ В 33 ГОДА СГОРЕЛ ОТ ЛЕЙКЕМИИ. ПАМЯТНИК НА МОГИЛКЕ ПОСТАВИЛИ, СИМВОЛ НАШЕГО ТЕАТРА — ГОРЯЩИЙ ФАКЕЛ. С ЕГО ДОЧЕРЬЮ И СЕЙЧАС ДРУЖУ...

чалось! Дикий скандал. Начальство высокое понаехало, мне вкатили выговор по партийной линии. Но спектакль мы сыграли. И перебоев в работе после этого у нас практически не было.

Театр большую пользу принес. Мы ездили с концертами по БАМу, устраивали представления...

— Вы тоже играли?

— Разумеется! Илью Муромца, управляющего трестом в «Заседании парткома», коммуниста Валько в «Молодой гвардии»... А, например, для того, чтобы поставить спектакль «А поутру они проснулись» по Василию Шукшину, я дважды побывал в... медвытрезвителе.

— Входили в образ?

— Попросил начальника милиции устроить по блату. Тот рассмеялся: «Напешься — возьму без лишних разговоров». Я действительно хотел пообщаться с алкашами, понаблюдать за ними, чтобы потом передать атмосферу режиссеру и ребятам. Никто ведь из нас в вытрезвитель, к счастью, не попал.

Наслушался я там! Диалоги в точности, как описывал Василий Макарович. Вот откуда он все знал? Поразительно...

Толик Байков, к сожалению, ушел от нас в тридцать три года, сгорел от лейкемии. Мы похоронили его в Костромской области, в Чухломе. Памятник на могилке поставили, символ нашего театра — горящий факел. Анатолий дал много и многим. Морально подготовил к жизни. Мы же

молодыми парнями были, мальчишками. С его дочерью я и сейчас дружу. Девочка пошла в Толика, сама себя сделала. Юля работает в «Газпроме» на руководящей должности...

Стыковка

— Вам завидовали, Александр Васильевич?

— Было, отрицать не стану. Говорили: «Вот! Этот Бондарь все время на виду. И Звезду Героя Соцтруда ему повесили!» Слово я по кабинетам бегал и награду выпрашивал. Да, ходил к начальству, но для того, чтобы требовать. Главное, чего добивался, работы без простоев. Укладка пути должна была идти постоянно. Мы даже организовали так называемую рабочую эстафету, в которую смежников включали, тех, кто впереди нас по трассе шел — механизаторов, тоннельщиков, мостовиков, «трубачей»...

— Но это же вам, вашей бригаде посвящено четверостишие?

07
Режиссер Анатолий Байков.

08
Труппа народного театра «Молодая гвардия».

09
Александр Бондарь в роли Ильи Муромца.

10
А еще Александра и Любу (она за его спиной) сблизил волейбол...

«Ты перегон проходишь в месяц,
А нам на это нужен год.
Не думай, что твои путейцы
Достойнее, чем наш народ».

— Вася Тарасенко, мастер треста «БАМстрой-механизация», написал... Как-то выходим на смену, а нас встречает плакат со стихом. Стоит посреди насыпи. Ну, мы прочли, отодвинули аккуратно в сторону и принялись за работу.

Тут ведь вот такая штука... Журналисты любят создавать красивые мифы. В начале 80-х годов из одной публикации в другую гуляли штампы, мол, Бондарь настоящий богатырь, Микла Селяниннович, и в бригаде у него сплошь гренандеры. Невзирая на трудности, они прокладывают путь по марям и болотам. В принципе, ваших коллег понять можно. Работа путейца эффектно выглядит на фото- и кинолентке: длинный хобот путеукладчика, мощные парни, расквашивающие тяжелое звено с рельсами. Вот все к нам и ехали...

Но я много раз подчеркивал: сквозь глухую тайгу пробивались изыскатели и проходчики, за ними шли лесорубы, потом земляники, а мы выходили на подготовленное полотно, подводя итог работы огромного коллектива.

— Получается, путейцы — белая кость в среде строителей-железнодорожников?

— Нет, не получается! Так могут рассуждать лишь те, кто понятия не имеет, насколько это тяжелый труд. Как в анекдоте про пассажира, который выглядывает в окно вагона и говорит: «Хо-

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОСТАВИТЬ СПЕКТАКЛЬ «А ПОУТРУ ОНИ ПРОСНУЛИСЬ» ПО ВАСИЛИЮ ШУКШИНУ, Я ДВАЖДЫ ПОБЫВАЛ... В МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЕ

рошо устроились путейцы! Каждый раз еду, а они всё сидят!»

Спортивные комментаторы любят повторять фразу, мол, матч состоится при любой погоде. Не знаю про футбол, а мы тянули путь под открытым небом в стужу, снег и дождь, при этом понятие «смена» у нас по сути отсутствовало. Не уходили, пока были рельсы. В сильные морозы работали полчаса, пятнадцать минут отогревались в вахтовке и возвращались. Однажды без остановок пахали трое суток. К Витиму тогда рвались. Пауза между подачами рельсов составляла два часа. В тепле покемарить немного, и опять за дело... Обувь снимаешь, а носков по сути нет, истлели, стерлись до дыр. А как иначе? «Трубачи» проложили водоотводные трубы, мостовики построили мосты, земляники отсыпали насыпь, остальное за нами. Точку всегда ставят путейцы. Мы чувствовали ответственность и не могли подвести других.

— Сколько в БАМе уложенных вашими руками километров, Александр Васильевич?
— С 292-го по 887-й. Какая цифра получается? 595. Чуть-чуть до шести сотен не дотянули...
Но я назвал только километры главного пути. А ведь были еще на стрелочных перегонах, станционные и прочие... Это с начала 1979 года. На перевале Даван мы приняли эстафету у бригады Виктора Лакомова. Он остановился на границе с Бурятией, дальше не пошел, объяснив, что является депутатом Верховного Совета РСФСР от Иркутской области. Мы укладывали путь вплоть до 29 сентября 84-го, когда в 10.05 по московскому времени или в 16.05 по местному рельсы БАМа сомкнулись. На разъезде Балбухта в Читинской области мы встретились с путейцами Ивана Варшавского, которые шли с востока.

Стыковка, кстати, изначально планировалась на 1 октября в Куанде, но мы вышли туда раньше, а Иван Николаевич — наоборот — отстал от графика: в Кодарском тоннеле случился обвал из-за нарушения технологии строительства. Там мерзлота, теплый бетон ее подогрел, вот все и рухнуло. Хорошо, никто из людей не пострадал, был обеденный перерыв. Только технику покорежило. В тоннель экстренно загнали отряды ремонтников, а Варшавский, чтобы не терять времени, пошел в обход хребта. Пока пробивался, мы проскочили километров сорок с лишним за Куанду, а там заранее изготовили и даже установили стелу, символизировавшую Западный и Восточный участки БАМа, их историческую встречу...

Потом мы вернулись в Куанду, на глазах у начальства, специально приехавшего из Москвы, уложили «золотое» звено, но, конечно, это была постановочная сцена, которую по эмоциональному накалу не сравнить с настоящей стыковкой.

В Балбухте мы свой монумент поставили — скрещенные рельсы. До сих пор стоит.

— Говорят, 29 сентября вы даже расслакались.

— Знаешь, чувства нахлынули... Столько трудностей вынесли, столько хороших людей потеряли, пока путь этот железный проложили. Мы фото Толика Байкова на месте стыковки повесили. Он лишь год не дошел с нами...

Честно скажу, 29 и 30 сентября мы пропьянствовали. Вообще-то на БАМе был «сухой закон», спиртным там не баловались, а те, кто срывались, вылетали пробой. Условия суровые, график слишком напряженный, чтобы квасить. Но по случаю стыковки позволили себе чуть расслабиться. Правда, долго поприрадоваться нам не дали, на торжество съезжались гости, и мы укладывали дополнительные рельсы в Куанде, чтобы разместить прибывающие поезда. Потом мы с Иваном Варшавским подняли два покрашенных бронзовой краской звена, под телекамеры и аплодисменты членов политбюро ЦК состыковали их. Затем прямо из касок по традиции сделали по глотку шампанского. Каждый член бригады пригубил...

Так пишется история. И слегка ретушируется.

Награда

— Много подобной «ретуши» было?

— Ну как сказать?.. Вызывают меня в партком и говорят: «Идешь по территории Бурятии, а в бригаде ни одного буряты. Надо исправлять ситуацию». Прислали двух местных. Ладно, пусть работают. А мы к тому времени сами установили вахтовый метод: две недели путь кладем, четыре дня отдыхаем. После первых же выходных один из бурятов приезжает пьяным в дым. Говорю: «Так, уважаемый. Ближе двухсот метров к бригаде не подходи». А он мне: «Я — коммунист, меня направил!» Ну, тут уж я не сдержался: «Так ты еще и коммунист? Как член Бурятского обкома партии обещаю: сунешься к нам, билет на стол положишь!» Всё! Ветром сдуло.

Второй же парень, Сережа, дошел до стыковки, даже медаль «За трудовую доблесть» получил.

С этими наградами целая история вышла... Почти сразу после «золотого» стыка я свалился в больницу. Сердчишко не выдержало нагрузок. Но перед тем как загреметь на двадцать четыре дня на койку, я успел сказать, что буду лично участвовать в составлении списков на награждение. Предупредил: «Только попробуйте без меня!» Оказалось, в СССР на сей счет были драконовские законы! Человека не разрешили представить к ордену, если он до того не имел медаль. А у меня в бригаде молодые пацаны! Откуда у них награды? Я и так крутился, и сяк... Ордена Ленина и Трудового Красного Знамени пробить не удалось, самый высокий из возможных — орден Дружбы народов — получил мой зам Слава Огородничук, остальным ребятам достались «Знак Почета», «Трудовая слава» и медали. Я тоже не имел права ни на что претендовать, но Константин Мохортов, начальник «ГлавБамСтроя», которого у нас уважительно называли Дедом, пошел в Кремль: «Если Бондаря не наградите, и меня не надо». В итоге 25 октября 1984 года из рук секретаря ЦК КПСС Владимира Долгих я получил в Тынде Золотую Звезду Героя Социалистического труда...

11
1984 год. «Золотая» стыковка. Главные действующие лица — бригадиры Иван Варшавский (слева) и Александр Бондарь.

12-13
В бригаду Бондаря любители приезжать известные люди страны (в центре — поэт Роберт Рождественский).

19

ПРИЕЗЖАЛ НА РИДНУ УКРАИНЫ. СПРАШИВАЮ: БУДЕТЕ ПЛАТИТЬ ЛЬГОТНУЮ ПЕНСИЮ? В ОТВЕТ: А ВЫ НА КАКОМ СЕВЕРЕ РАБОТАЛИ — УКРАИНЫ ИЛИ РОССИИ?

Лет, наверное, десять назад приезжал я на ридну Украину. Спрашиваю: будете платить льготную пенсию как Герою? Тогда, мол, вернусь в Липовец, дом построю. А мне по-одесски отвечают вопросом на вопрос: а вы на каком севере работали — Украины или России? Ах, России! Вот пусть Москва и представит вам «пільги». Льготы в смысле. Думаю: ах вы, земляки... Зачем же мое имя присваивали школе, памятную доску вешали на стену? Словом, не выдержала самостоятельности проверка на вшивость...

И последний исторический анекдот без «ретуши». В 80-м году ко мне в бригаду на десять дней прислали группу молодых коммунистов из Франции. Работниками они были, скажу прямо, так себе, зато в прощальный вечер дружно грянули «Марсельезу». И смотрят на нас: а вы свой гимн споете? Мы попытались затянуть «Интернационал», но французы дружно закалили головами, мол, не то, не считается. Пришлось петь «Союз нерушимый республик свободных...» С первым куплетом более-менее справились, а дальше толком не помним, да и строчки там про Сталина. Словом, скромкали исполнение...

— О серьезном спрощу. Следы ГУЛАГа на БАМе вам попадались?

— Обязательно. Федя Плиногин с ребятами ходил в Мраморное ущелье в Чаре, где были медные копи. Сохранилось все, вплоть до бараков, вышек и колочей проволочки. На АЯМе (Амуро-Якутская железнодорожная магистраль) я видел знаменитую Васильевку. Это километрах в ста от Тынды. Там

И КУДА СУДЬБА НАС НИ ЗАБРОСИТ, В ПАМЯТИ ОСТАНЕТСЯ ВСЕГДА: В УТРЕННИЮ СВЕЖЕСТЬ НАШИХ ПРОСЕК РОБКИ ЗАХОДЯТ ПОЕЗДА.
ВЛАДИМИР ГУЗИЙ

урановые рудники. Тоже осталось административное здание, штук тридцать барачков и три кладбища — мужское, женское и детское. Ни имен, ни фамилий, лишь номера на столбиках. Огромное поле! Страшная картина, честно скажу. Мимо едешь, и от этих могил безысходностью встает... Сейчас там часовенку поставили.

К слову, хочу сказать, что в семидесятые годы эскиз БАМ не строили. Это вранье. Пропаганда магистрали в СССР была такой, что молодежь рвалась туда, некоторых даже останавливать приходилось.

Заклученные прокладывали путь от Транссиба до Тынды, но это было еще до Великой Отечественной. Потом рельсы сняли, разобрали. А изыскания начинали проводить еще в конце девятнадцатого века. Первый проект БАМа был составлен в 1898 году. В нем все расписано вплоть до того, какие логотипы на вокзальных скамейках должны стоять. Умели при царизме планировать!

Дом

— А почему вы там не остались, Александр Васильевич, уехали на «большую землю»?

— Стройка закончилась, а жизнь, к счастью, нет. Я ребятам сразу сказал: «Довел вас до стыковки, а дальше у каждого своя дорога». Правда, мне удалось еще одно полезное дело проверить до того, как все разбегались. Написал министру транспортного строительства СССР и попросил решить квартирный вопрос для членов бригады. Как ни крути, десять лет по тайге шастали, а постоянного дома нет, хотя у большинства семьи, дети. Министр пошел навстречу, и нам выделили тридцать квартир в Северобайкальске в Бурятии.

Я работал строймастером, прорабом, замначальника строительного-монтажного поезда, в конце 80-х был председателем Дорпрофсоюза транспортных строителей Забайкалья, главным инженером треста... В 90-е тянул железную дорогу от Тынды до Якутска, начинал прорабом, а заканчивал начальником оперативной группы строительства. Три года провел на Сахалине...

Побросало меня по свету, что и говорить.

К сожалению, отношение к северянам в последние десятилетия изменилось не в лучшую сторону. Дело не только в надбавках к зарплатам и пенсиям. Вот у меня три внуки растут, одна увлекается спортом, вторая рисованием. Вроде надежды подаю. В Москве шансов реализоваться у них больше, чем в том же Северобайкальске. Да, и отсюда талантливые ребята пробиваются, но сколько усилий приходится им затрачивать?

ФОТО: ИВАНОВА

Я благодарен годам, проведенным на БАМе. Колоссальная жизненная школа! Конечно, романтика присуща молодым, но мы стараемся жить теми же ценностями, что и прежде. Я поддерживаю отношения практически со всеми членами бригады, кто жив. Не только письма друг другу пишем, но реально помогаем. Вот этот мой дом под Конаково на Волге строили вместе. Я заказал вагон лиственницы на Байкале, позвал наших ребят, они за лето подняли сруб. Я ездил к Володе Снеговому в ставропольскую станицу, под Орел к Тоне Голяновой, которая вышла замуж за Лешу Графова, одного из двух братьев, работавших в бригаде. Тоня была у нас поварихой...

И на БАМ я каждый год езжу. Поохотиться, с друзьями повидаться.

Друзья

— В Звездном давно были?

— А он практически исчез с лица земли. Как и многие другие поселки бамовцев. Ния, Кунерма, Улькан... Там остались лишь железнодорожники, обслуживающие дорогу. Больше повезло Кичере, где с 78-го по 85-й годы мы жили на улице Театральной. В Кичере сегодня расположилось крупное ремонтное предприятие.

Но судьба бамовских поселений отдельная тема. Не самая веселая, прямо скажем...

Два года назад, на сорокалетний юбилей БАМа, в РЖД организовали поездку ветеранов, так сказать, по маршрутам боевой молодости. Конечно, было бы красиво, как в 74-м, начать из Москвы, но не сложилось. Мы с Любой прилетели в Улан-Удэ, отсюда в Северобайкальск, а уже там сели в юбилейный спецпоезд и трое суток ехали до Тынды. Со всеми остановками и митингами на станциях. Ангоя, Уоян... В Чаре к составу присоединили два локомотива — имени Ивана Варшавского и Александра Бондаря. Что и говорить, приятно! Сфотографировались с экипажем и про-

14
Друзья.

15
Александр, Любана и Дорога.

должили путь. До Таксимо дорога электрифицирована, а дальше тепловозная тяга...

Места на Байкале потрясающе красивые. Я много где на свете побывал, но ничего подобного не видал!

— Когда теперь туда собираетесь?

— Сразу после Нового года, 2 или 3 января. Тридцать лет подряд зимой езжу, не пропускаю. Традиция!

Самолетом в Красноярск, отсюда до Северобайкальска 26 часов поездом. Там у меня своя компания. Ждут, встречают. Километрах в ста от города в тайге есть зимовье. Сначала едем на машинах, остаток пути на «Буране». Прекрасно! В Рождество никогда не охотимся, ружья в руки не берем, а в остальные дни — обязательно.

— Возвращаетесь с трофеями?

— А как же! Изюбрь, сохатый, козы... У меня в доме и шкура медведя висит. Правда, подстрелил не я, а друг. Подарил потом.

В прошлом году со мной ездил Володя Снеговой. Подмерзли, правда, сильно. На обратном пути решили «Буран» не вызывать, пешком пройти

двенадцать километров до трассы. А выпал сильный снег, тропу замело. Градусов тридцать мороза да еще сильный встречный ветер... Плюс груженные сани. Выбрались, конечно, но гематома на подбородке из-за обморожения долго потом у меня была. Ничего, зажило. Я к холодам привык. И руки морозил, и под лед проваливался. Впервые, как сейчас помню: 17 мая 1975 года. 10-го у нас с Любаней была свадьба, и я занял у ребят деньги, чтобы праздничный стол накрыть. Семнадцатого дали аванс, и я пошел через Таюру на просеку. А речка-то горная, быстрая, в каких-то местах лед подмыло, ну я и ухнул. Стало затаскивать под воду, я, как лось, пытался выпрыгнуть из полыньи, вытолкнуть себя, но течение ведь сильное. Хорошо, ребята подбежали, подсобили... Давай быстрее стаскивать валенки, брюки ватные, костер разводите. Смотрю: а кошелька нет, выпал из кармана. Уплыли мои триста рублей, большая сумма но тем временам... Пришлось парням до следующей зарплаты ждать, пока долг верну.

Да много всяких историй было, все не рассказать! И так я сегодня что-то разговорился...

ВЗГЛЯД ПОЭТА

Последнее звено

Вот и все. Замкнулось полотно, и последний выложен портал. «Золотое» светится звено. Ты об этом десять лет мечтал.

И когда оркестр громом брызнет, ты поймешь, что в ливнях и в пыли лучшую дорогу нашей жизни мы с тобою вовремя нашли.

Нам бывало трудно много раз, но теперь спокойно оглянься: стройка обогнала бы и без нас, нам же без нее не обойтись.

И куда судьба нас ни забросит, в памяти останется всегда: в утреннюю свежесть наших просек робки заходят поезда.

Первый поезд начал свой разбег. Он сюда шел медленно и долго. На щеках колючий тает снег. Я не плачу. Это снег. И только.

Но когда оркестр громом брызнет, я пойму, что в ливнях и в пыли лучшую дорогу нашей жизни мы с тобою вовремя прошли.

Владимир Гузий, строитель БАМа